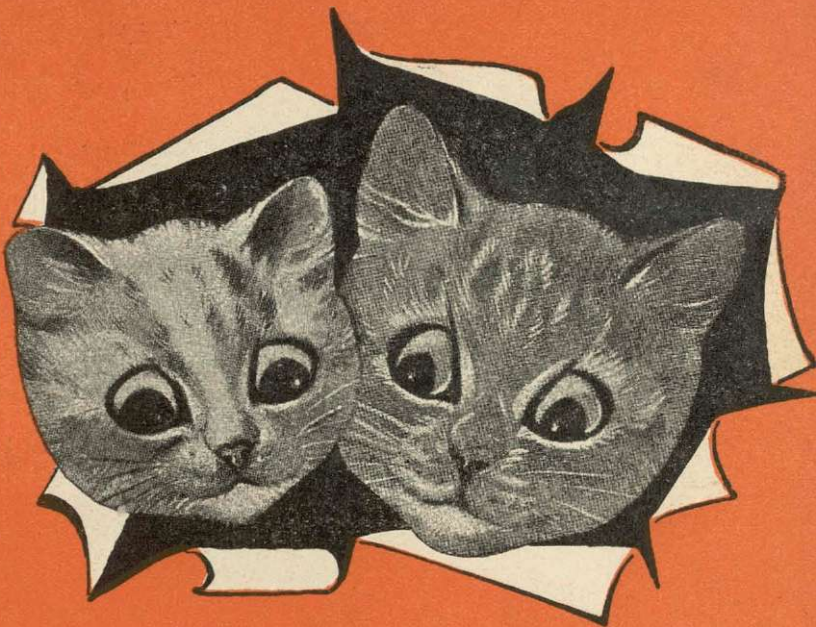

№ 11

АПРѢЛЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

О БѢЛКАХЪ.
ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.
ПОДРУГИ (повѣсть).
АПРѢЛЬ.
РЫБАКИ (разсказъ).
ШАРАДА, ГОЛОВОЛОМКА,
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра „Ходьба по канату“.

№ 11. Апрель. 1908.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ дерева спрыгнула бѣлка и вскочила къ нему на плечо.

О БѢЛКАХЪ.

Соню и Митю возили къ тетѣ въ гости въ сельцо Починки. Тѣхъ нужно было въ саняхъ тридцать верстъ туда и тридцать обратно; тетя была одинока, дѣти очень устали и если-бы у тети не было бѣлки, то имъ вовсе было-бы скучно. Бѣлка сидѣла въ клѣткѣ, вертѣлась въ колесѣ и такъ звонко грызла орѣхи, что становилось страшно за ея зубы.

— Не давай ей орѣховъ, сказалъ Митя сестрѣ. — Она сломаешь себѣ зубы!

Но папа ему отвѣтилъ, что бѣлка принадлежитъ къ семейству грызуновъ, и что поэтому передняя часть ея зубовъ покрыта такою твердою эмалью, какъ сталь. И что если-бы у бѣлки сломался или истерся зубъ, то онъ вскорѣ замѣнился-бы новымъ, такъ какъ у бѣлки зубы растутъ въ теченіи всей ея жизни. Когда бѣлка находитъ, что зубы у нея иступились, то она начинаетъ тереть одни о другіе и быстро этимъ ихъ оттачиваетъ. Для этого челюсти у бѣлки устроены такъ, что могутъ двигаться и взадъ и впередъ и сбоку на бокъ, какъ у человѣка.

— А она умная? спросила у папы Соня.

— Всѣ грызуны, отвѣтилъ папа, — вообще очень глуповаты. Они трусливы, непредусмотрительны, безхитростны, каждый можетъ ихъ легко

обидѣть, но за то бѣлка изъ всѣхъ грызуновъ считается самой умной и самой привязчивой къ человѣку. При этомъ движеніи бѣлокъ ловки, живы и красивы. Въ то время, какъ большинство другихъ грызуновъ, какъ напр. заяцъ, могутъ бѣгать только по землѣ, бѣлка такъ-же легко себя чувствуетъ и на деревѣ, какъ и на землѣ. Она отлично лазаетъ прямо по отвѣснымъ стѣнкамъ и легко перепрыгиваетъ съ дерева на дерево даже на очень большіе промежутки, но сверху внизъ прыгаетъ гораздо лучше, чѣмъ снизу вверхъ. Спитъ она довольно оригинально, свернувшись клубочкомъ и устроивъ себѣ постельку помягче и поудобнѣе.

Живутъ бѣлки по всему земному шару, за исключеніемъ одной только Австраліи: ихъ можно найти и на дальнемъ сѣверѣ и на жаркомъ югѣ, при чемъ устройство поверхности для нихъ не имѣетъ, повидимому, никакого значенія: онѣ живутъ и въ низинахъ, и на горахъ такъ-же успѣшно, какъ въ сухихъ мѣстностяхъ, такъ и въ сырыхъ. Необходимо только одно, чтобы тамъ росли деревья, потому что безъ деревьевъ бѣлка чувствуетъ себя одиноко.

— Смотри, смотри, вдругъ воскликнулъ Митя. — Бѣлка умывается! Точно кошка.

— Да, отвѣтилъ папа, — бѣлка не

только отличается чистоплотностью, но даже и модница большая. Все свое свободное время она охорашивается, чистится и умывается. Ты посмотри, какой у нея пушистый хвостъ и какъ онъ расчесанъ у нея съ приборомъ! Какъ лежитъ у нея волосокъ къ волоску по всему тѣлу и какъ пушисты у нея ушки! Кажется, трудно себѣ представить другое животное болѣе чистоплотное, чѣмъ бѣлка. Подошвы на лапкахъ у нея голыя, какъ и у обезьяны, да и вообще бѣлку можно считать обезьяной нашихъ лѣсовъ. Она такъ-же проворна и такъ-же искусна, такъ-же весело играетъ съ товарками, какъ и обезьяна, и къ тому-же очень привязчива къ человѣку.

— Папа, а гдѣ бѣлка живетъ? спросила Соня.

— А помнишь, воскликнулъ Митя,—мы шли съ няней по Ковригинскому лѣсу и видѣли, какъ бѣлка перебѣжала черезъ дорогу!

— Да, отвѣтилъ папа,—ты правъ: бѣлка живетъ въ лѣсу. Сухіе, безъ болотъ, лѣса, высокоствольные и тѣнистые, служатъ ея любимымъ мѣстопробываніемъ; она не особенно долюбиваетъ сырость и солнечный припекъ. Въ особенности она любитъ сосновые лѣса, потому что зернышки, заключающіяся въ сосновыхъ шишкахъ, составляютъ ея любимую пищу. Впрочемъ, она любитъ иногда полакомиться и плодами, для чего прибѣгаетъ иногда въ деревенскіе сады, если они расположены близко къ

лѣсу. Но больше всего бѣлка любитъ орѣхи. Въ неурожайные-же годы она одинаково охотно ѣстъ почки деревьевъ, мелкія вѣточки ихъ, обгладываетъ кору и даже ѣстъ грибы. Интересно она ѣстъ зернышки отъ сосновыхъ шишекъ: она подгрызаетъ шишку у самаго стебелька, затѣмъ садится на заднія лапки, передними лапками подноситъ шишку ко рту, все время вертитъ ее и откусываетъ отъ нея чешуйку за чешуйкой до тѣхъ поръ, пока не доберется до зерна. Вотъ посмотрите, дѣти, какъ она съѣстъ сейчасъ орѣхъ.

Папа подошелъ къ буфету, досталъ изъ него орѣшекъ, плотно закаталъ его въ бумагу и подаль его бѣлкѣ. Бѣлка понюхала бумагу, поняла, въ чемъ дѣло, быстро развернула бумагу, взяла орѣшекъ въ переднія лапки, сѣла на заднія и звонко разгрызла скорлупу.

Дѣти засмѣялись.

— Какъ-же она догадалась, спросила Соня,—что въ бумажкѣ завернутъ орѣхъ?

— Это только доказываетъ, отвѣтилъ папа,—что у нея прекрасное чутье. Повидимому, оно развитѣе у бѣлки, чѣмъ всѣ ея другія чувства, по крайней мѣрѣ оно лучше у нея, чѣмъ зрѣніе, потому что стоитъ только ей почувать какую-нибудь опасность, какъ она тотчасъ-же начинаетъ не приглядываться, а принюхиваться и настораживать ушки. Вообще-же, на случай опасности, бѣлка имѣетъ нѣсколько квартиръ, чаще всего четыре:

одну главную и три временныя. Въ нихъ она спасается отъ враговъ и отъ непогоды. Временныя квартиры она строитъ обыкновенно изъ покинутыхъ гнѣздъ сороки, вороны и другихъ хищныхъ птицъ и пользуется ими въ томъ видѣ, въ какомъ они ей достались, и только отчасти приспособляетъ ихъ къ своему вкусу. Постоянное-же свое жилище бѣлка устраиваетъ обыкновенно заново, прочно и уютно. Такое жилище она дѣлаетъ почти всегда у самаго ствола дерева, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ него выходитъ сукъ или вѣтка. Жилище это въ общемъ бываетъ похоже на птичье гнѣздо. Надъ нимъ бѣлка устраиваетъ остроконечную крышу, чтобы въ гнѣздо не попадалъ дождь. Въ этомъ домицѣ всегда бываетъ два входа—парадный и черный. Парадный всегда выходитъ на востокъ, а черный къ стволу дерева. Вся хатка устлана внутри мягкимъ мхомъ. Стѣнки между крышей и гнѣздомъ густо забраны плетнемъ изъ прутиковъ.

Устроивъ себѣ жилище, бѣлка поселяется въ немъ и выводитъ въ немъ отъ трехъ до семи дѣтенышей, о которыхъ нѣжно заботится, пока они не подрастутъ. Девять дней дѣтеныши остаются слѣпыми и около мѣсяца питаются исключительно молокомъ своей матери, а затѣмъ мать и отецъ лущатъ для нихъ зернышки и приносятъ имъ ягоды земляники и молодыя почки. Какъ только молодыя бѣлочки окрѣпнутъ, родители предоставляютъ ихъ самимъ себѣ и

они еще долго остаются въ своемъ родномъ гнѣздѣ и весело играютъ между собою, совершая изъ него экскурсії въ другія гнѣзда своихъ родителей.

Въ июнѣ родители выгоняютъ ихъ вонъ и старая бѣлка вновь выводитъ дѣтенышей въ томъ-же самомъ гнѣздѣ. Старшія бѣлочки терпѣливо ждутъ, когда подрастутъ эти младшія, послѣ соединяются съ ними въ одну большую семью и весело затѣмъ играютъ всѣ вмѣстѣ въ той части лѣса, гдѣ находится ихъ общее гнѣздо. Въ это время молодыя бѣлки бываютъ наиболее пугливы и почти никогда не слѣзаютъ съ дерева на землю. Этимъ пользуются звѣрловы: замѣтивъ на деревѣ стаю такихъ бѣлочекъ, они начинаютъ тряссти его вѣтви и трясутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока у бѣлочекъ не закружится голова и онѣ не попадаютъ съ дерева на землю, гдѣ ихъ звѣрловы и подбираютъ.

Едвали найдется животное, болѣе подвижное, чѣмъ бѣлка. Она не можетъ просидѣть спокойно ни одной минуты: вѣчно она прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, вѣчно суматошится и суетится. По самой природѣ своей она всю свою жизнь могла-бы оставаться на деревѣ и не сходить на землю. Но для нея составляетъ своего рода удалство соскочить съ дерева на землю, пробѣжаться по травѣ до другого дерева и затѣмъ съ быстротою молнии взобраться по его стволу на са-

мую его вершину. Она вѣпляется при этомъ въ кору дерева всѣми своими пальцами одновременно, что помогаетъ ей лазать. Она не бѣгаетъ, а прыгаетъ. Но прыжки ея такъ часты, что трудно ихъ различить и всегда кажется, что она скользитъ по дереву, а не скачетъ по нему. Перелетаетъ съ дерева на дерево бѣлка, какъ птица, широко распушивъ свой хвостъ. Эти ея полеты бываютъ такъ легки, что древніе думали, что она обладаетъ птичьей способностью летать. Но надъ бѣдняжками были произведены грустные опыты: имъ обрубали хвосты и послѣ этого онѣ уже не могли вовсе перелетать съ вѣтки на вѣтку.

— Значитъ, хвостъ бѣлкѣ данъ для того, замѣтилъ Митя, — чтобы она умѣла летать.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ папа. — Вотъ потому-то хвостъ у нея и раздѣленъ на двѣ половины приборомъ, чтобы лучше распушался въ обѣ стороны, когда она летитъ.

Въ это время бѣлка вышла изъ колеса, въ которомъ вертѣлась и полѣзла къ себѣ въ домикъ. Тамъ она долго рылась въ уголку, достала кедровый орѣшекъ и съѣла его.

— Это она взяла орѣшекъ изъ запасовъ, сказалъ папа. — Вообще бѣлки очень запасливыя животныя. Обыкновенно у каждой бѣлки, недалеко отъ жилища, бываетъ своя кладовая съ запасами. Такія кладовыя бѣлки устраиваютъ обыкновенно въ дуплахъ деревьевъ, куда переби-

раются на жительство и сами, когда наступаютъ холода. Сюда бѣлка складываетъ зерна, орѣхи, почки, сушеные грибы. За орѣхами онѣ отправляются часто очень далеко отъ родныхъ гнѣздъ и приносятъ ихъ на двухъ заднихъ лапкахъ, держа орѣхи въ переднихъ. Грибы они сушатъ чрезвычайно оригинально: онѣ натываютъ ихъ на сучки и иглы деревьевъ и такимъ образомъ высушиваютъ ихъ на солнцѣ.

Бѣлки очень привязчивы къ людямъ и очень любятъ своихъ сестеръ — бѣлокъ. Онѣ легко узнаютъ и любятъ своего хозяина, отзываются на кличку, знаютъ свое имя и выучиваются различнымъ штукамъ. Такъ, у одного господина въ Кумберлендѣ была въ неволѣ бѣлка. Долго онъ держалъ ее у себя, а затѣмъ, какъ-то весною, ему стало жаль ее и онъ выпустилъ ее на волю. Почувывъ свободу, бѣлка бросилась отъ него бѣжать и скоро скрылась въ чащѣ одного изъ деревьевъ. Каково-же было удивленіе этого господина, когда онъ много времени спустя послѣ этого шелъ однажды черезъ лѣсъ и вдругъ съ дерева прыгнула бѣлка и вскочила къ нему на плечо. Она узнала его и стала къ нему ласкаться. Тогда онъ указалъ ей на свой боковой карманъ, гдѣ у него лежали зерна, приготовленные имъ для птицъ, которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе кормить во время прогулокъ. Бѣлка покусала зеренъ, вскочила опять на дерево и снова убѣжала. И съ тѣхъ

поръ она ни одного раза не пропустила, чтобы не привѣтствовать своего бывшего хозяина, когда онъ проходилъ мимо ея дерева. Любовь-же къ своимъ подругамъ у бѣлокъ выражается въ томъ, что онѣ припасаютъ одна для другой сушеные грибы, накалывая ихъ на иглы и сучки, такъ какъ знаютъ, что зимой всѣмъ придется туго.

Всѣ бѣлки очень чувствительны къ погодѣ. Онѣ рѣзвятся и бѣгаютъ только въ сухую, ясную погоду, большею частью по утрамъ и по вечерамъ, а послѣ обѣда любятъ въ гнѣздышкѣ отдохнуть. Дождей онѣ не любятъ, вѣтра и бурь боятся, а метелей прямо не выносятъ. А между тѣмъ онѣ могутъ обитать даже на крайнемъ сѣверѣ. Онѣ очень хорошия предсказательницы погоды. Такъ, еще за полъ-дня до наступленія непогоды бѣлка начинаетъ беспокоиться и свистать и щелкать, чего въ покойномъ видѣ онѣ не дѣлаютъ никогда. Затѣмъ она забирается къ себѣ въ гнѣздо, часто не одна, а съ подругами, наглухо запираетъ оба входа въ него и, свернувшись клубочкомъ, такъ и остается лежать до окончанія непогоды.

Въ это время Митя просунулъ въ клѣтку палочку и тронулъ ею бѣлку. Бѣлка нахохлилась и заворчала.

— Не тронь ее, строго сказалъ ему папа.—Слышите,—она бормочетъ. Это означаетъ, что она недовольна.

— Развѣ она умѣетъ говорить? спросила Соня.

— Говорить она не умѣетъ, продолжалъ папа, но, какъ и всѣ живыя существа на свѣтѣ, свою радость, недовольство и страхъ она выражаетъ извѣстными звуками. Такъ при неудовольствіи она ворчитъ, радость выражаетъ легкимъ посвистываніемъ, а при страхѣ кричитъ такъ: «дукъ-дукъ», «дукъ-дукъ». И когда охотники слышатъ такой ея крикъ, то они уже знаютъ, что бѣлки въ опасности, и начинаютъ слѣдить. И дѣйствительно оказывается, что на то дерево, гдѣ живетъ бѣлка, забрался соболь или куница,—а это ея злѣйшіе враги. Тогда охотники ставятъ западню и ловятъ этихъ цѣнныхъ звѣрей.

— А что, папа, обратилась Соня къ отцу,—гдѣ бѣлкѣ лучше: здѣсь, въ клѣткѣ, или-же на волѣ?

— Конечно, на волѣ! отвѣтилъ папа.—Въ этой клѣткѣ она все-равно, что человѣкъ въ тюрьмѣ. Вѣроятно, она плачетъ въ ней, груститъ, вспоминаетъ своихъ подругъ... Вообще, скверная вещь неволя!..

Соня и Митя глубоко вздохнули. Затѣмъ они отошли отъ бѣлки и долго о чемъ-то шептались.

— Знаешь, что? обратилась къ Митѣ Соня.—Пойдемъ къ тетѣ и попросимъ ее, чтобы она подарила намъ эту бѣлку!

— Иди ты! отвѣтилъ Митя.

— Нѣтъ, пойди ты!..

И оба робко вошли къ тетѣ въ спальню.

Оттуда они вышли радостные и съ торжественнымъ видомъ. По ихъ

лицамъ можно было догадаться, что тетя исполнила ихъ просьбу и подарила имъ бѣлку. Молча, не говоря папѣ ни слова, они взялись за клѣтку и, пыхтя и сопя, вынесли ее въ садъ. Здѣсь они отворили въ ней дверку и стали ожидать, что будетъ. Завидѣвъ дверку открытой, бѣлка радостно засвистѣла и въ одинъ мигъ выскочила вонъ изъ клѣтки. Затѣмъ однимъ прыжкомъ она очутилась на

деревѣ и, какъ птица, скрылась въ его листьѣ.

Митя подошелъ къ клѣткѣ и со всего размаха ударилъ по ней каблучкомъ. Она согнулась и прутьики въ ней вдавились внутрь.

— Такъ ей и надо, проворчалъ онъ.

И съ торжественнымъ видомъ дѣти пошли домой.

С. Вершининъ.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Летаютъ птички по лѣсамъ,
Ихъ голоса ужъ слышны тамъ;
Весна, весна,
Красы полна,
Приди скорѣе къ намъ!

Ужъ убѣжалъ на Сѣверъ волкъ
И травка стала точно шелкъ;
Скворецъ, скворецъ,
Весны пѣвецъ,
Зачѣмъ-же ты умолкъ?

Спой пѣсню радостную мнѣ
О солнцѣ, травкѣ, ясномъ днѣ!
Тепло, тепло,
Все ожило
И радо все веснѣ.

ПОДРУГИ.

(Повѣсть).

(Продолженіе).

IV.

Съ этого дня г-жа Дестиньоль еще болѣе стала держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ и даже избѣгала самого

содержателя гостиницы. Она по-прежнему была со всѣми вѣжлива и любезна, но только теперь уже не

поощряла, какъ прежде, свою дочь играть съ другими дѣтьми, а предложила ее самой себѣ. И Марта стала сторониться отъ всѣхъ.

Но случилось такъ, что судьба еще разъ втолкнула ее въ общество веселившихся ребятъ.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь занять вечера, которые становились уже долгими, такъ какъ былъ уже конецъ августа, Гренье затѣялъ у себя въ гостиницѣ дѣтскій вечеръ. Было объявлено, что каждый изъ дѣтей, жившихъ въ гостиницѣ, могъ принимать участіе въ этомъ вечерѣ въ качествѣ дѣйствующаго лица, и къ Мартѣ стали приставать, чтобы выступила и она.

Ея мать отказалась наотрѣзъ разрѣшить ей выступить въ водевилѣ, но такъ какъ спектакль былъ домашній и цѣль его была благотворительная, то она разрѣшила ей только прочесть стихи собственнаго сочиненія. Стихи эти были переданы г-ну Гренье и онъ держалъ ихъ въ тайнѣ, какъ и всю составленную имъ программу. Зрителями и слушателями должны были быть родители самихъ юныхъ актеровъ и только люди, жившіе въ гостиницѣ. А такъ какъ генеральныя репетиціи только могли расхолодить интересъ къ представленію и лишитъ его очарованія, то г. Гренье такъ и рѣшилъ, что все будетъ дѣлаться секретно, а это въ свою очередь заставитъ всѣхъ заинтересоваться предстоящимъ спектаклемъ, говорить о немъ и заранѣе дѣлать всевозможныя заключенія.

И г-жа Гарденина не могла удержаться, чтобы не задать вопросъ г-жѣ Дестиньоль:

— И ваша дочь, кажется, приметъ участіе въ спектаклѣ?

— Да, она прочтетъ стихи, отвѣтила г-жа Дестиньоль.

— Уже извѣстные, бывшіе въ печати?

— Нѣтъ...

— И хорошенькіе?

— Да, г. Гренье ихъ одобрилъ.

Казалось-бы, послѣ этого отвѣта г-жа Гарденина не должна была-бы больше задавать вопросовъ, но она не утерпѣла и спросила вновь:

— Неужели Марта и на сценѣ будетъ въ траурѣ? Это нарушитъ общую гармонію... Всѣ будутъ въ нарядныхъ свѣтлыхъ платьяхъ, а она...

— Не безпокойтесь, успокоила ее г-жа Дестиньоль.—Конечно, моя дочь не сниметъ траура, но будетъ одѣта такъ-же, какъ и всѣ.

Въ день спектакля дѣти становились все возбужденнѣе и возбужденнѣе и никакъ не могли дождаться, когда-же наконецъ настанетъ вечеръ. А когда стало смеркаться, дѣвочки не могли уже долѣе владѣть собою и стали одѣваться въ свои лучшія платья. Солянка и Катя Гарденина старались быть наряднѣе всѣхъ и хотя ихъ платья, черезъ мѣру обшитыя разными отдѣлками и украшеніями, и не отличались особеннымъ вкусомъ, но обѣ онѣ считали себя интереснѣе всѣхъ. Болѣе скромное платье Вѣрочки тоже вызвало ихъ

восторги, но онѣ заранѣе предвкушали то удовольствіе, съ какимъ будутъ смѣяться надъ чернымъ, траурнымъ платьемъ Марты.

Г-жа Дестиньоль и Марта явились позднѣе всѣхъ. Мать по-прежнему была въ глубокомъ траурѣ, а ея дочь, хотя тоже была въ траурѣ, но на этотъ разъ бѣлаго цвѣта и всѣ дѣвочки такъ и разинули рты, увидя, какъ она была красива въ своей простотѣ.

Ея платье было сшито изъ легкой, гибкой матеріи, безъ всякихъ украшеній и было какого-то удивительнаго фасона. Ея волосы пышно спускались у нея по плечамъ и золотую шелковую рамкой окружали ея хорошенькое личико, ставшее отъ этого еще милѣе.

— Это Сандрильона! со злобой проворчала Катя Гарденина и почувствовала, какъ зависть наполнила ей душу.

Зависть! Какъ это грустно, какъ это тяжело видѣть у маленькихъ дѣтей!

Начался концертъ. Сначала играли на рояли, а затѣмъ поднялся занавѣсъ и начался водевиль. Въ немъ выступили Катя и Солянка, игравшія съ большою самоувѣренностью, но безъ малѣйшаго таланта. Потомъ вышла Вѣрочка и что-то продекларировала съ какою-то другою дѣвочкой и наконецъ настала чередъ и для Марты.

И едва только она вышла на сцену и опустила изъ скромности свои глаза,

какъ Солянка, Катя и даже Вѣрочка стали перешептываться между собою и смѣяться. Но скоро онѣ должны были замолчать, потому что то, что онѣ слышали, было дѣйствительно слишкомъ хорошо.

Просто, безъ кривляній и ломаній, съ большимъ искусствомъ и умѣньемъ говорить, Марта прочла стихи сво-

Онѣ явились позднѣе всѣхъ.

его сочиненія, которые были такъ-же просты и красивы, какъ и сама она.

А сама она была такъ мила въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ своими чистыми, какъ у ангела глазками, съ своею изящной скромностью и чисто-дѣтской граціей, что всѣ тотчасъ-же обратили на нее свое вниманіе. Она нисколько не слѣдила за собой, все въ ней было естественно и когда она

кончила, она просто направилась къ своей матери, не смотря на то, что вся зала ей зааплодировала и всѣ кричали ей «бисъ».

— Мадмуазель, обратился къ ней Гренъе, васъ просятъ повторить.

Она не знала, какъ ей поступить и посмотрѣла на мать. Та поняла ее безъ всякихъ словъ и сказала ей со своего мѣста:

— Нѣтъ, не повторяй... Скажи что-нибудь другое!

Марта не заставила себя просить и другіе ея стихи имѣли еще бѣдшій успѣхъ. Опять послѣдовали аплодисменты и крики «бисъ», но на этотъ разъ мать жестомъ подозвала ее къ себѣ: нужно было и другимъ дать мѣсто на сценѣ.

Представленіе закончилось другимъ водевилемъ, въ которомъ опять выступили Солянжа и Катя Гарденина. Ихъ едва публика выслушала: такъ онѣ играли слабо и вяло и такъ водевиль этотъ казался неинтереснымъ послѣ шумнаго успѣха Марты.

— Навѣрное, это заѣзжая актриса и ея дочь!.. говорила публика о г-жѣ Дестиньоль, и о Мартѣ, такъ какъ до сихъ поръ еще никто не зналъ, кто это такія.

Сезонъ кончился и многіе уже стали разъѣзжаться по домамъ. Изъ тѣхъ дѣтей, которыя еще оставались, образовывались уже небольшія компаніи, но прежде чѣмъ разъѣхаться и имъ, было рѣшено собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, чтобы они могли по-

веселиться въ послѣдній разъ. Съ этой цѣлью въ курзалѣ устроили дѣтскій балъ.

— Ты пойдешь? спросила Катя Марту.

— Не знаю... не думаю... отвѣтила Марта.—Мама еще въ траурѣ.

Но отвѣчая такъ, дѣвочка не считывала на доброту своей матери, которая не захотѣла придавать особаго значенія этому дѣтскому вечеру и вовсе не сочла его за такой, который нарушилъ-бы ея трауръ. А потому, не желая лишать Марту удовольствія, она согласилась повести ее на этотъ балъ, тѣмъ болѣе, что и самый трауръ по дѣдушкѣ, который обѣ онѣ носили, уже приходилъ къ концу.

Объ этомъ рѣшеніи г-жи Дестиньоль первая узнала Вѣрочка Игнатъева и рассказала обо всемъ Катѣ Гардениной.

— Это хорошо! отвѣтила Катя.— Мы оплатимъ ей на балу за тотъ успѣхъ, который она выклянчила себѣ во время спектакля! Если она танцуетъ, то теперь она у насъ запляшетъ!

— Что это значитъ? спросила Вѣрочка.

— Я скажу всѣмъ своимъ знакомымъ дѣвочкамъ и мальчишкамъ, что она вовсе не умѣетъ танцевать и только путаетъ, и ее никто не пригласитъ.

— Неужели ты это сдѣлаешь?

— Да еще какъ! Солянжа мнѣ поможетъ. И будь покойна, мы такъ

посмѣемся надъ нею, что она долго не забудетъ. Насидится у насъ въ углу!

И злыя дѣвочки выполнили свою угрозу. Еще задолго до открытія танцевъ онѣ обошли на балу всѣхъ своихъ знакомыхъ и вездѣ распустили слухъ, что Марта вовсе не умѣетъ танцевать и что всякій, кто ее пригласитъ, только испытаетъ неловкое положеніе.

— Въ такомъ случаѣ я ее вовсе не приглашу, сказалъ Пьеръ.

— Я тоже, рѣшилъ Жанъ.

А нашъ русскій мальчикъ Митя Ивановъ подумалъ и сказалъ:

— А, можетъ быть, она умѣетъ плясать русскую?

— Во всякомъ случаѣ нужно будетъ предупредить товарищей, замѣтилъ блѣдный мальчикъ-англичанинъ Джемсъ. Долгъ каждого—предупредить товарищей.

— Это будетъ съ вашей стороны очень любезно, торжествовала Солянка.

А тѣмъ временемъ на балъ явились г-жа Дестиньоль и ея дочь. Марта была одѣта въ то-же бѣлое платье, что и тогда на спектаклѣ, и по-прежнему держала себя просто и скромно и была очень мила, такъ что всѣ обратили на нее вниманіе. Такъ пришлось, что безъ всякаго намѣренія она сѣла рядомъ съ Солянкой. Эта вскочила съ своего мѣста и такъ, чтобы видѣли другіе, пересѣла на другой диванъ.

— Для чего ты это сдѣлала? спросила ее одна дѣвочка, замѣтившая этотъ ея поступокъ.

— Мама не желаетъ, чтобы я была въ обществѣ этой дѣвочки, отвѣтила Солянка.—Кажется, ея мать актриса!

Началось шушуканье, которое заставило г-жу Дестиньоль насторо-

Ей пришлось уединиться и сѣсть вдали отъ всѣхъ.

житься и сѣсть къ сторонкѣ. Но она была слишкомъ горда, чтобы заискивать передъ кѣмъ-нибудь, и не очень-то горевала, что ей пришлось уединиться и сидѣть вдали отъ всѣхъ. Но ей было досадно, что скучала ея дочь и что никто ее не приглашалъ. И она удивлялась этому, зная, что самъ устроитель бала, директоръ кур-

— Позвольте васъ пригласить на вальсъ!..

зала, заранѣ объявилъ, что будутъ танцевать всѣ дѣти безъ исключенія. И она тотчасъ поняла-бы все, если-бы захотѣла прислушаться къ тому, что происходило въ другомъ концѣ залы. Тамъ распорядитель танцевъ предложилъ одному мальчику немедленно-же пригласить Марту. Но въ эту самую минуту къ нему подскочила Катя Гарденина и сказала:

— Не заставляйте его танцевать съ ней! Мы отлично знаемъ, что эта дѣвочка не можетъ танцевать. Она живетъ въ той-же самой гостиницѣ, гдѣ и мы, и намъ извѣстно, что у нея и у ея мамы еще не кончился трауръ. Это будетъ имъ обидно!

Распорядитель повѣрилъ ей и даже и тогда, когда начались всеобщіе тан-

цы и не танцевала одна только Марта, онъ не старался подыскать ей кавалера, хотя и хотѣлъ, чтобы она тоже приняла участіе въ танцахъ.

Быль тутъ-же на балу и содержатель гостиницы «Пляжъ» г. Гренъе. И хотя и его тоже предупредила Солянка, что Марта не танцуетъ вовсе, тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему сѣсть рядомъ съ г-жей Дестиньоль, къ которой онъ чувствовалъ большое уваженіе и передъ которой ему было неловко за досадную исторію съ ослими.

Онъ сталъ высказывать сожалѣніе, что Марта не можетъ принять участіе въ танцахъ.

— Не жестоко-ли, сударыня, съ вашей стороны, обратился онъ къ г-жѣ Дестиньоль, что изъ-за траура вы не позволяете вашей дочери танцевать?

— Я не позволяю? удивились г-жа Дестиньоль.—Да я ее для танцевъ только и привела сюда! Не виновата-же я, что ее никто не приглашаетъ!

— Какъ? воскликнулъ пораженный Гренъе. Вы разрѣшаете ей танцевать и она дѣйствительно умѣетъ? Но вѣдь не далѣе, какъ полчаса тому назадъ Солянка Блюмецъ сообщила мнѣ, что именно вы, мадамъ, запрещаете ей танцевать!..

— Это потому, что Солянка Блюмецъ не умѣетъ молчать, отвѣтила г-жа Дестиньоль съ обидой съ голосъ. Въ ней нѣтъ ни правды, ни души и она сама составляетъ о себѣ мнѣніе среди людей.

— Но вѣдь и распорядитель танцевъ думаетъ то-же, что думалъ и я! Онъ при мнѣ посылалъ одного мальчика пригласить вашу дочь, но и ему сказали, что Марта не танцуетъ.

— Вѣроятно это сказала Катя Гарденина? не безъ горечи спросила г-жа Дестиньоль.

Г. Гренье былъ возмущенъ до глубины души.

— Въ такомъ случаѣ я пойду его предупреджу... сказалъ онъ.

И только что онъ поднялся съ мѣста, чтобы пойти къ распорядителю танцевъ, какъ музыка заиграла вальсъ. Тогда онъ подошелъ къ Мартѣ и отвѣсилъ ей почтительный поклонъ.

— Позвольте васъ пригласить на вальсъ... обратился онъ къ ней.

— Простите, мосье, вѣжливо и просто отвѣтила ему Марта. Но я еще маленькая, а вы почтенный уже господинъ и я боюсь васъ затруднять...

Но онъ не далъ ей говорить и понесся съ ней по залѣ.

Она танцевала отлично и такъ легко, что ноги ея едва касались земли и было похоже на то, что это танцуетъ не дѣвочка ея лѣтъ, а какая-нибудь фея, на которую сошлись смотрѣть всѣ добрые лѣсные духи.

— Она танцуетъ! Она танцуетъ! слышался шопотъ.

— Да еще какъ отлично! заговорили другіе.—Но вѣдь Катя Гарденина сказала намъ, что она вовсе не умѣетъ!

И всѣ бросились ее приглашать. Марта не успѣвала отвѣчать на приглашенія, танцевала со всѣми и не отказала никому, какъ бы неинтересенъ ни казался ея кавалеръ. А когда настала полночь и мама напомнила ей, что пора уже уходить, она просто и безъ заносчивости простилась со всѣми и послушно послѣдовала за своей мамой.

А Солянжа и Катя Гарденина отошли къ сторонкѣ и стали придумывать, какъ-бы имъ отомстить ей за то, что имъ пришлось за себя покраснѣть.

Но это имъ не удалось, потому что на слѣдующее утро Марта и ея мать уѣхали неизвѣстно куда. Онѣ уплатили по счету, простились съ г. Гренье и съ первымъ-же поѣздомъ отправились изъ Берка куда-то далеко.

А вслѣдъ за ними покинули Беркъ

Ее везутъ на колясочкѣ по берегу моря...

и г-жа Игнатъева съ Вѣрочкой. Пропыаясь съ Солянжей и Катей, Вѣрочка обѣщалась имъ писать и дала имъ и свой адресъ. А затѣмъ онѣ дали другъ дружкѣ слово, что прѣдутъ на будущій годъ опять въ Беркъ, и разстались. Г-жа Игнатъева смотрѣла на нихъ и улыбалась, такъ какъ отлично знала, что до будущаго года еще много воды утечетъ и что не всегда и не всякая дружба бываетъ долговѣчной.

И опять потянулись передъ Вѣрочкой Франція, Рейнъ, Германія, Берлинъ. И чѣмъ ближе она подъѣзжала къ Россіи, тѣмъ все дальше и дальше отодвигался въ ея душѣ Беркъ съ ея подругами и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе ей хотѣлось увидѣть братьевъ и отца, услышать русскую рѣчь, читать русскія вывѣски. Но вотъ уже граница. Входятъ русскіе жандармы, отбираютъ у нихъ паспорта, потомъ возвращаютъ ихъ, онѣ пересаживаются въ другой поѣздъ и переѣзжаютъ черезъ границу. Онѣ въ Россіи.

Скорѣй, скорѣй!

Вотъ ужъ Варшава, вотъ Брестъ-Литовскъ, вотъ и Смоленскъ... Черезъ какіе-нибудь семь-восемь часовъ Вѣрочка уже увидитъ Москву съ ея массою церквей, длинными заборами, оборванными извозчиками и множествомъ голубей. Но все это близко ея душѣ и, высунувшись изъ окна вагона, не смотря на прохладный осенній день, она все глядитъ и глядитъ впередъ, гдѣ передъ нею въ да-

лекой синевѣ должны показаться куполы храма Христа Спасителя и Иванъ Великій.

Но вотъ ужъ близко... Передъ нею Москва, поѣздъ останавливается, раздаются свистки, начинается давка, толкотня, всѣ спѣшатъ изъ вагоновъ и не заботятся другъ о другѣ. Вѣрочка тоже выскакиваетъ изъ вагона и озирается по сторонамъ. Къ ней подбѣгаютъ два гимназиста и какой-то высокій усатый господинъ. Это ея братья и отецъ. Она бросается къ нимъ на шею и отъ радости начинаетъ плакать...

V.

Прошелъ годъ. Вѣрочка Игнатъева отлично помнила всѣ мельчайшія подробности своей поѣздки въ Беркъ на морскія купанья, но какъ все съ тѣхъ поръ перемѣнилось! Это уже не была болѣе красивая, радостная дѣвочка, которая тогда выскочила изъ вагона, полная нетерпѣнія увидѣть море; теперь это была больная, которую опять привезли въ Беркъ, и которая едва вылѣзла изъ вагона на своихъ костыляхъ; а затѣмъ ее вынесли на носилкахъ на улицу, положили на колясочку и повезли въ гостиницу...

Теперь она уже не можетъ больше ходить.

Съ нею произошелъ несчастный случай. Катаясь зимой на Патріаршихъ прудахъ на конькахъ, Вѣрочка упала, и такъ несчастливо, что сломала себѣ бедро. Болѣзнь затянулась, нога перестала ходить и дол-

гіе мѣсяцы бѣдная дѣвочка должна была пролежать въ постели. Бедро забинтовали въ лубокъ и ей запрещено было двигаться.

И для нея потянулись томительные дни. Каждое утро приносило для нея съ собою печаль, въ гимназію она уже не ходила, подружки перестали у нея бывать, такъ какъ имъ было съ нею скучно, и, когда ей объявила мама, что ее опять повезутъ на морскія купанья въ Беркъ, то это было для нея точно Свѣтлый праздникъ. Правда, она уже не будетъ тамъ веселиться такъ, какъ въ прошломъ году, но тамъ она, хотя и въ коляскѣ, будетъ часто гулять, дышать чистымъ воздухомъ, видѣть море, которое она такъ любила, и смотрѣть на темно-голубое небо. Она будетъ тамъ видѣть, какъ веселятся другіе! Она надѣялась встрѣтить тамъ своихъ прошлогоднихъ подругъ, которыя, несмотря на обѣщанія, до сихъ поръ не написали ей единой строчки.

И вотъ она снова въ Беркъ. Ее возятъ въ колясочкѣ по берегу моря и она алчно присматривается къ дѣтямъ, стараясь увидѣть среди нихъ Катю Гарденину, Солянжу Блюмецъ и даже Марту.

И нѣсколько дней прошли для нея въ печальномъ одиночествѣ и она не узнала никого. Но вотъ однажды въ полдень она радостно привскочила въ своей коляскѣ, не смотря на то, что ей строго запрещено было дѣлать рѣзкія движенія, и вскрикнула отъ восторга.

— Мама, обратилась она къ г-жѣ Игнатъевой и вся покраснѣла отъ волненія.— Мнѣ кажется, что я вижу тамъ Солянжу!

Г-жа Игнатъева приподнялась, чтобы посмотрѣть. Теперь ужъ онѣ не стояли больше въ гостиницѣ «Пляжъ», такъ какъ здоровье Вѣрочки требовало особаго ухода, и потому г-жѣ Игнатъевой совершенно не было извѣстно, кто изъ прошлогоднихъ знакомыхъ опять пріѣхалъ въ Беркъ. И она стала присматриваться къ толпѣ дѣвочекъ по указанному Вѣрочкой направленію.

— Да, милая, это Солянка... отвѣтила она.

— Мама, повези меня къ ней!

— Подожди немножко, быть можетъ она придетъ къ тебѣ сама. Она идетъ въ нашу сторону.

Да, это дѣйствительно была Солянка, но теперь она уже выросла, выровнялась, и, какъ взрослая, старалась идти не дѣтскою походкой.

И когда она проходила мимо Игнатъевыхъ, Вѣрочка не могла удержаться и закричала:

— Солянка! Солянка!

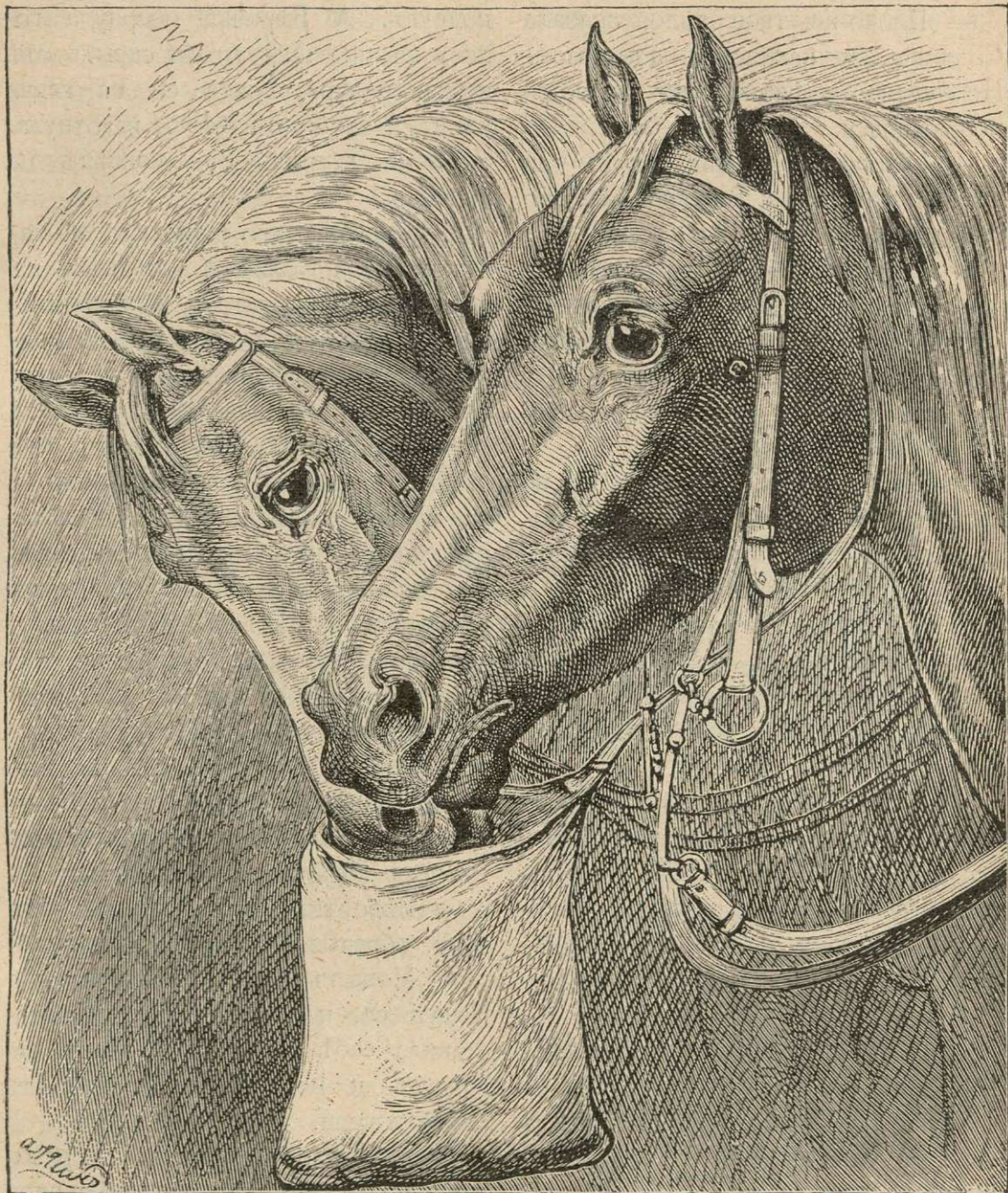
Она обернулась и долго не могла понять, откуда доносились до нея эти крики. И когда она догадалась наконецъ, что ее звала какая-то больная дѣвочка изъ коляски, она бросила на нее разсѣянный взглядъ и даже вовсе не узнала-бы ее, если-бы сама г-жа Игнатъева не вышла къ ней на встрѣчу.

• Друзья.

— Кто это? произнесла Солянка въ изумленіи. узнала Вѣрочку и болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ сожалѣнія, воскликнула:

И, нагнувшись надъ коляской, она

Лошадки.

— Да вѣдь это Вѣра Игнатьева!
Но какъ она измѣнилась!.. Вѣрочка,
что съ тобой?

Ей рассказали случай, происшед-
шій съ дѣвочкой, и бѣдная больная
протянула ей исхудавшую руку.

— Плохо-же твое дѣло, сказала Солянка, едва касаясь ея пальцевъ.— Но будемъ надѣяться, что ты скоро поправишься...

— Говорятъ, что еще черезъ три мѣсяца, вздохнула Вѣрочка,—а это еще такъ долго!

— Ну, какъ-нибудь доживешь!

— Но мнѣ скучно все одной, да одной! Если-бы ты только знала... Какъ я ждала твоего приѣзда!..

— Но вѣдь ты теперь все равно не можешь съ нами играть!

— Да, не могу... Но вѣдь ты не будешь забывать меня и время отъ времени будешь прибѣгать ко мнѣ хоть на одну минуту?

И она ласково ей улыбнулась.

— Ты посидишь со мной, продолжала она,—расскажешь мнѣ, какъ вы веселились, и я хоть издали погляжу на васъ...

— Ну, это довольно мудрено... отвѣтила Солянка.—Вѣдь мы играемъ все на разныхъ мѣстахъ, а на твоей колясочкѣ не повсюду можно проѣхать... Все-таки я буду иногда навѣщать тебя, я это тебѣ обѣщаю!..

И Солянка стала прощаться.

— Ты уже уходишь? воскликнула Вѣрочка и съ грустью поглядѣла на подругу.—Ты уже уходишь? Но вѣдь ты мнѣ еще ничего не сказала о Катѣ!..

— Катя приѣзжаетъ сюда завтра... Но, прощай, мнѣ пора... Мнѣ уже—видишь?—машутъ руками!

И Солянка бросилась отъ нея бѣгомъ и скоро скрылась въ толпѣ

подругъ. А Вѣрочка обернула голову къ подушкѣ, чтобы скрыть отъ всѣхъ намернувшіяся ей на глаза слезы, и глубоко-глубоко вздохнула.

Такой встрѣчи она совсѣмъ не ожидала.

Слѣдующее утро принесло ей надежду. Если Солянка отнеслась къ ней такъ холодно и равнодушно, такъ вѣроятно потому, что ее поджидали въ то время другія подруги. Но сегодня должна была приѣхать Катя Гарденина!.. Цѣлый день она видѣла Солянжу только издали и все время ожидала Катю съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, надѣясь, что она вознаградитъ ее за первое разочарованіе. Но прошелъ день и другой, и Вѣрочка ни разу не увидела въ теченіи ихъ ни Солянки, ни Кати. И только на третій день она увидела Солянжу, которая шла съ какой-то дѣвочкой и о чемъ-то горячо съ ней разговаривала. Въ этой дѣвочкѣ Вѣрочка узнала Катю.

— Вѣроятно, онѣ разыскиваютъ меня, обратилась она къ матери.

— Можетъ быть... отвѣтила г-жа Игнатьева, которая уже давно составила себѣ мнѣніе объ этихъ дѣвочкахъ и не раздѣляла надеждъ своей дочери.

И дѣйствительно, онѣ что-то разыскивали, но не ее, больную Вѣрочку, не имѣвшую возможности двинуться съ мѣста, а игру въ крокетъ. Вѣрочку онѣ даже и не замѣтили во все и, какъ и въ прошломъ году, онѣ собрали вокругъ себя чуть не

всю дѣтвору и бѣдная больная должна была издали прислушиваться къ радостнымъ крикамъ этой молодежи.

— Мама, обратилась Вѣрочка къ матери,—несомнѣнно, онѣ не замѣтили меня. Подвези меня къ нимъ!

Г-жа Игнатьева поднялась съ мѣста и покатила колясочку къ площадкѣ крокета. Подѣхавъ къ самой игрѣ, она остановилась, но дѣвочки были такъ заняты игрой, что не обратили на нихъ вниманія.

Тогда Вѣрочка закричала:

— Солянка! Солянка!

— Ахъ, это ты? отвѣтила ей Солянка. Только пожалуйста посторонись со своей коляской, а то ты намъ помѣшаешь! Твоя очередь, Катя!

Катя сдѣлала ударъ и только уже послѣ него подошла къ Вѣрочкѣ.

— Ну, здравствуй, сказала она ей.—Ты больна? Солянка мнѣ передавала это. Но вѣдь рано или поздно ты поправишься!

— Рано или поздно... вздохнула Вѣрочка.—А до тѣхъ поръ!.. Ты и представить себѣ не можешь, какъ я завидую тебѣ, что ты можешь бѣгать!..

— А что-же? По твоему, значитъ, и мнѣ нужно тоже лечь въ такую-же коляску?

— Нѣтъ... смутилась Вѣрочка.— А только скучно!.. Все одна да одна...

— Но вѣдь съ тобою твоя мама!

— Да, но это не то, что подруга,

какъ наприимѣръ, ты или Солянка!.. Поиграйте со мною!

— Во что? Вѣдь ты не можешь двигаться!

— Есть игры, въ которыхъ не нужно двигаться...

— Ну, ужъ покорно благодарю! воскликнула Катя Гарденина. Мы вовсе не затѣмъ пріѣхали въ Беркъ,

Подѣхавъ къ самой игрѣ, она остановилась.

чтобы сидѣть безъ движенія. Мы хотимъ бѣгать, рѣзвиться! Пожалуйста, не смотри на насъ, какъ на сидѣлокъ, мы неспособны на это!

И Катя вновь принялась за игру, такъ и не подойдя больше ни разу къ больной.

Н.

(Продолженіе будетъ).

А П Р Ъ Л Ъ.

Ужъ стаялъ снѣгъ... Сухой тропинкой
Женюша сбѣгала въ лѣсокъ
И тамъ подъ старою осинкой
Нашла пузатенькій сморчокъ.

Какая радости! Значить, скоро
Теперь березка зацвѣтетъ
И въ огородѣ у забора
Крапива буйно въ ростъ пойдетъ.

И ярче солнышко засвѣтитъ,
Сбѣгутъ послѣдніе ручьи,
Кукушка крикнетъ, грачь отвѣтитъ,
Закопошатся муравьи...

И, повязавъ себя косынкой,
Лишь только солнышко взойдетъ,
Съ огромной Женичка корзинкой
Съ постели прямо въ лѣсъ пойдетъ,

И тамъ, обшаривъ всѣ пенѣчки,
Она промокнетъ отъ росы
И въ эти ранніе часы
Какъ макъ зардѣютъ ея щечки...

Приди-жь, весна, приди скорѣй,
Для дѣтокъ нашихъ ты воскресни.
И пусть прекрасный соловей
Поетъ твой, весна, имъ пѣсни!

Кузнечикъ.

Р Ы Б А Қ И.

Мы жили у самаго синяго моря...
Мнѣ не нужно особенно напря-
гать свою память, чтобы вообразить
себѣ ветхую хижину моего отца, та-
кую же ветхую, какъ и онъ самъ.
Какъ все лицо старика было по-
крыто морщинами, такъ и наша хи-
жина была сплошь покрыта трещи-
нами, зиявшими на глиняной штука-
туркѣ.

Неподалеку отъ хижины, на са-
момъ краю обрывистаго берега, стоялъ
сарайчикъ, гдѣ хранились сѣти и не-
вода отца. Въ немъ недоставало цѣ-
лой стѣны. Она сорвалась въ море
вмѣстѣ съ освѣвшимъ берегомъ. Стоило

только отворить дверь сарайчика,
чтобы все море, какъ на ладони, съ
кораблями и пароходами, представи-
лось на мѣстѣ обвалившейся стѣны.
Здѣсь, опершись спиною на одну
изъ трехъ уцѣлѣвшихъ стѣнъ, отецъ
цѣлые дни просиживалъ за почин-
кой рыболовныхъ снастей, а я вы-
рѣзывалъ около него всевозможныя
штуки изъ лишнихъ поплавокъ.
Когда мнѣ нуженъ былъ гвоздь,
чтобы просверлить на поплавокѣ дырку,
я потихоньку отъ отца шелъ къ
трещинамъ въ стѣнѣ нашей хижины
и осторожно вытаскивалъ гвоздикъ
изъ обнажившейся драни.

Въ то время, когда я и отецъ сидѣли въ сарайчикѣ и занимались каждый своимъ дѣломъ, мой старшій братъ Петрусь сидѣлъ въ «горницѣ» и что-нибудь читалъ вслухъ, а тетка Ивановна, исполнявшая у насъ обязанности хозяйки, плела двумя палочками сѣти. Трудно было себѣ представить женщину болѣе молчаливую, чѣмъ она. По цѣлымъ часамъ она просиживала около Петруся и вязала сѣти, а по праздникамъ, когда заниматься вязаніемъ было грѣшно, она садилась въ уголокъ и дремала.

— Эй ты, старая! Обѣдать время!— обыкновенно будилъ ее отецъ, приходя съ моря, и она, приподнявъ завязанную въ черную праздничную косынку голову и посмотрѣвъ на него старческими мутными глазами, послушно и не говоря ни слова, подымалась съ мѣста и доставала изъ печки горшокъ съ ѣдою. Даже въ ту страшную ночь, о которой рѣчь впереди, она не произнесла почти ни слова и только дрожала, какъ осинный листъ.

Что касается Петруся, то почти во всемъ нашемъ околдкѣ онъ считался самымъ образованнымъ и дѣловымъ человѣкомъ. Никто лучше его не могъ написать кому-нибудь письмо или прошеніе къ начальству, никто скорѣе и выгоднѣе его не могъ сбыть наловленной рыбы. Въ своихъ денежныхъ дѣлахъ онъ никогда не имѣлъ обыкновенія отдавать отчета отцу. Пріѣхавъ изъ города, гдѣ онъ сбывалъ рыбу, и выждавъ удобную

минуту, онъ доставалъ изъ-за пазухи бумажникъ съ деньгами и, робко оглядываясь по сторонамъ, чтобы не увидаль отецъ, отдавалъ ихъ на храненіе старухѣ.

— Будьте такія добрыя, тетенька,—обыкновенно обращался онъ къ ней.—Спрячьте эти деньги... Да смотрите, никому не отдавайте!

И Ивановна прятала деньги, возвращая ихъ только Петрусю.

Самъ Петрусь довольно рѣдко ѣздилъ въ море за рыбой, а если ужъ и ѣздилъ, то, говорятъ, такъ былъ въ ловлѣ находчивъ и неутомимъ, что всѣ отъ удивленія только руками разводили. Никто лучше его въ этомъ случаѣ не умѣлъ зазывать своими причитаніями рыбу въ сѣти, и ужъ если она попадалась въ нихъ, то Петрусь, идя съ ловли, выдавалъ по рыбкаѣ каждому встрѣчному-поперечному на томъ основаніи, что рыба ловится не только «на хозяина, на батьку съ матерью, да на церковь Христову», какъ это говорится въ причитаніяхъ, но и «на всякаго произволящаго», т.-е. встрѣчнаго-поперечнаго.

Настало одно изъ тѣхъ страшныхъ и неожиданныхъ событій, которыя едва-ли можно вообразить...

Кто бывалъ на берегу пустынного замерзшаго моря въ страшную зимнюю ночь, когда сверху, точно черезъ сито, сѣетъ снѣгъ, а снизу цѣлыми тучами поднимаетъ его злобствующій вѣтеръ?

Кто тамъ бывалъ, тотъ, навѣрное,

помнить и страшную непогоду, и вой вѣтра и всхлипыванія рыбацкихъ женщинъ, заглушаемая мрачнымъ звономъ призывнаго колокола слободской церкви, и оставшіяся послѣ Страстной недѣли восковыя свѣчи, зажженные передъ образами... Кто бывалъ тамъ, тотъ помнить и хлопанье ставней и трескъ какого-нибудь ветхаго сарайчика, сорвавшагося вмѣстѣ съ налетѣвшимъ ураганомъ съ крутизны. Помнить онъ и картину, представившуюся его глазамъ на слѣдующее утро: все побережье завалено льдинами, между которыми кое-гдѣ, то поднимаясь, то опускаясь отъ прибоя волнь, валяются остатки разбитой лодки или Богъ знаетъ какимъ чудомъ уцѣлѣвшая бочка, а на самомъ краю обрыва стоятъ рыбацкія жены и заплаканными глазами смотрятъ вдаль, гдѣ освободившееся ото льда море, волнуясь и грозя, исчезаетъ въ сѣдомъ, непроглядномъ туманѣ... Помнить онъ и нашу слободскую церковь съ завороченнымъ отъ вѣтра желѣзнымъ листомъ на крышѣ и нашего добраго священника, отца Юанна, уже не разъ совершающаго молебствіе и изрѣдка сквозь облака ладаннаго дыма поглядывающаго печальными глазами сквозь рѣшетку церковнаго окна на волнующееся море, точно ожидая появленія изъ него тѣхъ, которые, быть можетъ, уже давно погребены въ его неизвѣданной глубинѣ...

Не помнить этого нельзя, потому что существуютъ на свѣтѣ такія со-

бытія, которыя навсегда остаются въ памяти человѣка, бывшаго ихъ свидѣтелемъ, и уже никогда никакими усиліями не могутъ быть уничтожены изъ ряда его воспоминаній... А эта страшная ночь была именно такимъ событіемъ...

Страшную же она была уже потому, что за восемь верстъ отъ слободы застала въ морѣ партію нашихъ рыбаковъ, выѣхавшихъ по льду на подводяхъ, и, крутя вокругъ нихъ вмѣстѣ съ хлопьями снѣга еле долетавшіе до нихъ слабые звуки нашего слободскаго колокола, окончательно сбила ихъ съ пути.

Въ этой партіи были мой отецъ и мой братъ Петрусь.

Было еще не особенно поздно, когда тетка Ивановна кликнула меня со двора, гдѣ я, весь утопая въ снѣгу, строилъ разныя пещеры. Увлеченный своимъ занятіемъ, я и не замѣтилъ, какъ вокругъ меня закрутило снѣжные хлопья и какъ рѣзкій, холодный вѣтеръ захлесталъ мнѣ въ лицо и захопалъ калиткой... Когда же я, услыхавъ голосъ Ивановны, приподнялъ голову и обвелъ вокругъ себя глазами,—то я не увидалъ ничего кромѣ темно-сѣраго тумана... Сквозь облака снѣга, обильно падавшаго съ неба и мѣшавшагося съ метелью, я увидалъ только слабый, тусклый огонекъ, горѣвшій въ нашей хижинѣ, да темную фигуру тетки Ивановны... Больше я ничего не увидалъ: все было задернуто непроницаемой мглою...

Войдя въ горницу и мелькомъ бросивъ взоръ на маленькіе стѣнные часы, на которыхъ стрѣлки показывали еще восьмой только часъ, я снялъ съ себя валенки и армячокъ и, усѣвшись за столъ, на которомъ дремала наша пѣгая кошка Рыбка, сталъ гладить ее. Рыбка радостно замурлыкала, поднялась на ноги, сначала вытянулась во всю свою длину, а потомъ такъ высоко приподняла спину, что стала похожей на верблюда, и только что собиралась полѣзть ко мнѣ на плечо, какъ тетка Ивановна, подойдя къ столу, со всего размаху сбросила ее на полъ.

— Брысь!—проворчала она.—Люди хлѣбъ святой на столъ кладутъ, а она брюхомъ своимъ на немъ валяется!

Я поглядѣлъ на старуху и притихъ. Вѣчно молчаливая и кроткая, тетка Ивановна вдругъ обрушилась на Рыбку. Значить сердце ея почувствовало что-нибудь недоброе. Какъ разъ въ этотъ же самый моментъ со двора полились звуки нашего церковнаго колокола и закружились вмѣстѣ съ тучами снѣга. Я вспомнилъ, что завтра не было никакого праздника, а стало-быть отцу Іоанну не нужно было созывать рыбаковъ на молитву,—и страшная мысль о могущей произойти съ отцомъ и братомъ случайности, на одно мгновение сковала мои члены..

— Ишь, негодница!—еще разъ проворчала тетка Ивановна, и точно ей въ отвѣтъ со двора пронеслось не-

измѣримо-злбное, бѣсноватое завываніе разсвирѣпѣвшаго вѣтра.

Тетка Ивановна открыла у печи заслонку, достала оттуда горшокъ каши, сваренной вмѣстѣ съ рыбьей икрой, и, поставивъ его передо мною, сѣла въ уголокъ. Я поѣлъ немного, помолился на образа и, схвативъ Рыбку подъ мышку, полѣзъ на печку. Укутавшись теплымъ отцовскимъ тулупомъ и пригрѣтый съ одного бока мурлыкавшей кошкѣй, я еще разъ перекрестился, и, убаюканный доносившимися со двора воемъ непогоды и плачемъ церковнаго колокола, сладко уснулъ.

Среди ночи я былъ разбуженъ струей ворвавшегося въ комнату холода и чьимъ-то топаньемъ у дверей. Въ удивленіи я приподнялся на локоть и сталъ прислушиваться.

— Ну, погода!..—раздался вдругъ чей-то голосъ.—Здравствуйте! Вашихъ еще нѣту?

— Нѣтъ еще, батюшка...—отвѣчала ему изъ уголка тетка Ивановна.—Видно унесло.

— Жаль, если такъ... Славные были рыбаки...— снова заговорилъ вошедшій.—Только знаете, что я вамъ скажу?—Вы не безпокойтесь!.. Сейчасъ ко мнѣ изъ города приказчикъ пріѣхалъ, такъ онъ говоритъ, что нашихъ близко видѣли..

Я приподнялъ голову еще выше и сталъ прислушиваться внимательнѣе. Въ незнакомомъ голосѣ я скоро узналъ голосъ нашего приходскаго батюшки, отца Іоанна, и хотѣлъ было уже

соскочить съ печки и распросить его подробнѣе, но почему-то этого не сдѣлалъ.

— Гдѣ ужъ имъ воротиться?..— еле слышно произнесла старуха.— Вишь, какъ море-то расходилось!

— Ничего, Богъ дастъ, вернутъся...— уговаривалъ ее отецъ Іоаннъ.— А я вижу у васъ огонекъ, да и думаю: дай зайду посмотрю, нѣ горюютъ-ли они; можетъ быть моя бесѣда духовная развлечетъ ихъ хоть немного, а смотрю: вы—молодцы! Ну, а мальчикъ какъ?

— Спитъ на печкѣ, батюшка...

— Ну, и слава Богу! Славный онъ у васъ такой, все на клиросѣ поетъ...

И батюшка постоялъ еще молча съ полминуты и потомъ, высоко приподнявъ воротникъ своей енотовой шубы, взялся за дверь.

— Счастливо оставаться, — промолвилъ онъ уходя.— Мнѣ еще и къ другимъ надо... У Пахомовны, сказывалъ дьячекъ, печалются много... Надо пойти утѣшить...

И снова раздалось хлопанье дверью, и холодная струя воздуха ворвалась въ комнату, заколебала пламя на свѣчѣ и пробѣжала по тѣлу...

А между тѣмъ на дворѣ бушевала вьюга... Я слышалъ завываніе вѣтра, то страшное, злобное, потрясающее всѣмъ попадавшимся ему на пути, то умоляющее о помощи и пощадѣ. И нашъ одинокій ставень то жалобно скрипѣлъ, точно прося у торжествующаго вѣтра покоя, а то съ

невѣроятною силой хлопалъ объ стѣну, точно собравшись съ послѣдними силами, чтобы отомстить врагу... А призывный колоколъ, ни на минуту не умолкая, то вертѣлся во кругъ нашей хижины, то убѣгалъ въ погоню за вѣтромъ въ море и тамъ утопалъ въ туманной дали, то ударялъ прямо у насъ въ комнатѣ, точно былъ повѣшенъ за перегородкой. И вдругъ что-то красное сверкнуло въ окнѣ и колеблющимся пятномъ отразилось на противоположной стѣнѣ... Какія-то фигуры заслоняли его собой и странно размахивали руками, точно звали кого-то изъ темноты. Это зажгли костеръ...

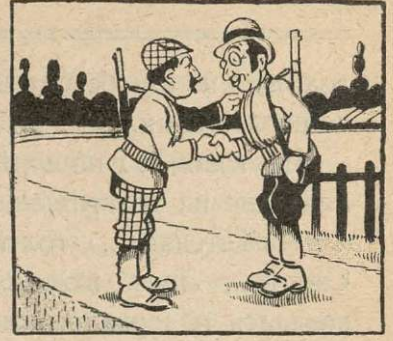
Мнѣ сдѣлалось жутко. Я вскочилъ съ печки и, еле переступая отъ страха, подбѣжалъ къ старушкѣ и, обхвативъ ея колѣна, тѣсно прижался къ нимъ. Ивановна погладила меня по головѣ, сняла съ восковыхъ свѣчей, зажженныхъ ею передъ образами, нагорѣвшій фитиль, и тихо опустилась на колѣна... Я заплакалъ и бросился къ ней на шею, а она, не отрывая глазъ отъ иконъ и въ то же время не отстраняя меня отъ себя, еле двигала губами, шепча молитву... Я не слыхалъ, о чемъ она молилась. Раздавшійся глухой звукъ, точно отдаленный выстрѣлъ изъ пушки, и вслѣдъ затѣмъ протяжный, полный ужаса крикъ пронесли въ воздухъ, и новое, еще ни разу не слыханное мною за эту зиму шипѣніе смѣшалось и съ воемъ непогоды, и со звономъ неумоимаго ко-

1. — Не бойся, жена, на этот раз я сь пустыми руками не вернусь.

2. Скучно охотиться одному. Хоть бы кого-нибудь встрѣтить!

3. Вотъ счастье! Вы тоже на охоту? Пойдемте вмѣстѣ!

4. Но не зайти-ли намъ прежде въ трактиръ?

5. Почему-же и нѣтъ? Пріятели зашли въ трактиръ и пробыли въ немъ до самаго вечера.

6. Ну, какъ теперь сь пустыми руками возвращаться домой? Не купить-ли дыню?

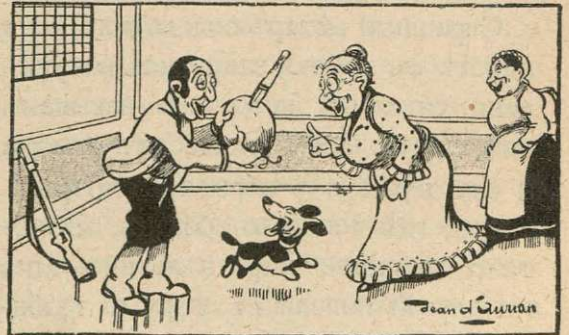
7. Только куда я ее положу? Суну-ка я ее за пазуху!

8. Кто это? Разбойникъ?

9. Онъ бросается на меня и вонзаетъ мнѣ въ грудь свой ножъ? Но хорошо, что у меня тамъ дыня!

10. Вѣдь я говорилъ тебѣ, что вернусь сь добычей! Вотъ тебѣ дыня, да еще въ придачу и ножъ!

локола, и съ безсильной борьбою нашего ставня...

Это взломало на морѣ ледъ. Всякія надежды на возвращеніе пропали!

— Тетенька... голубочка моя... Скорѣе... Ледъ взломало! — вдругъ раздался надорванный женскій крикъ въ отворенную къ намъ дверь и кто-то снова захлопнулъ ее за собой и мелькнулъ мимо нашихъ оконъ.

— Тетенька, слышали?... Ледъ взломало! — вскрикнулъ я внѣ себя отъ страха. — Пойдемте скорѣй!

Старушка ласково отстранила меня отъ себя и, положивъ низкій земной поклонъ, такъ и не вставала съ полу. Она прильнула своимъ старческимъ, морщинистымъ лбомъ къ глиняному полу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, плакала и молилась.

— Пелагея здѣсь? — вдругъ раздался женскій голосъ и кто-то, не дождавшись отвѣта, опять хлопнулъ дверью и опять промелькнулъ передъ окномъ.

Я накинулъ на себя поверхъ головы отцовскій тулупъ и, все еще дрожа и стуча отъ страха зубами, выбѣжалъ на дворъ и побрелъ къ обрыву, гдѣ стоялъ нашъ полуразвалившійся сарайчикъ.

Страшный вѣтеръ подхватилъ меня вмѣстѣ съ собою, закрутилъ вокругъ меня снѣжный песокъ и засыпалъ мнѣ его за шею. Ежась отъ холода и еле держась у обрыва, я смотрѣлъ внизъ, гдѣ точно въ безднѣ, клокотало страшное море и льдины одна по другой ползли въ гору и дроби-

лись на части. Я старался среди воя непогоды и шума разъярившихся волнъ услышать крики брата и отца.

Уступомъ ниже раздавались голоса нашихъ слобожанъ, суетившихся около чего-то, и громкія всхлипыванія нашихъ женщинъ. Кто-то хриплымъ голосомъ требовалъ себѣ веревку, кто-то во все горло звалъ къ себѣ Панкрата, а надъ всѣмъ этимъ звонилъ немолчный колоколь и время отъ времени раздавались глухіе удары трескавшагося льда.

— Это ты, Панкратъ? — вдругъ раздался около меня чей-то голосъ. — Ледъ взломало!

И какая-то тѣнь, еле замѣтная въ темнотѣ снѣжной ночи, пробѣжала мимо меня и утонула во мракѣ.

— Православные, на молитву! — раздался голосъ отца Иоанна. — Богъ за насъ, кто противъ насъ!

— На молитву, на молитву! — повторило нѣсколько голосовъ.

— Тащи хворосту! Костеръ потушь!..

— Панкратъ! гдѣ ты?.. Это ты, Панкратъ?..

И что-то съ страшнымъ, злобѣщимъ трескомъ осѣло около меня и исчезло въ мрачномъ обрывѣ. Это сорвался въ море нашъ ветхій сарай... Внѣ себя отъ страха, я бросился бѣжать безъ оглядки, насколько это позволяли снѣжные сугробы, и не помню какъ, — очутился у дверей нашей деревянной покривившейся церкви. Еле переводя духъ, я остановился у свѣчнаго ящика и опу-

стился на колѣна. Вдали передо мною, у огромнаго образа Нерукотвореннаго Спаса, отецъ Іоаннъ при слабомъ мерцаніи двухъ восковыхъ свѣчей и лампадки, окруженный толпой прихожанъ, чуть-чуть побрякивая кадиломъ, служилъ молебень за рыбаковъ и взволнованнымъ голосомъ пѣлъ.

— «Пресвятая Богородица, спаси насъ»,— раздавался въ моихъ ушахъ его старческій голосокъ, и ему въ отвѣтъ тянулись мрачныя густыя звуки, вылетавшіе изъ груди нашего приходскаго дьячка Селивана.

— Пресвятая Богородица, спаси ихъ, я тебѣ за это свѣчку поставлю!— сквозь слезы повторялъ я слова припѣва и плакалъ навзрыдь...

Отецъ Іоаннъ окончилъ молебень и вслѣдъ затѣмъ началъ его снова. Толпа, окружавшая его, заволновалась и направилась къ выходу, а въ церковь вошла новая толпа. Я выбѣжалъ изъ церкви и берегомъ пробрался до нашей хижины, а добравшись до нея, я еще долго не могъ отворить у нея дверь. Вся она почти до верху была занесена снѣгомъ, наметеннымъ расхолодившимся вѣтромъ, и только маленькій уголочекъ окна проглядывалъ изъ-за снѣга и ласковый свѣтъ пробивался черезъ него изнутри и длиннымъ лучомъ отражался на землѣ.

Когда я, съ трудомъ отворивъ заметенную дверь, вошелъ въ горницу, я засталъ тетку Ивановну все въ томъ же положеніи; она приникла

лицомъ къ землѣ и горячо молилась. Повязка съѣхала съ ея головы и пучокъ сѣдыхъ волосъ выбился изъ-подъ нея и закрывалъ собою правое ухо и високъ. Чуть слышно я подошелъ къ ней, тихо опустился рядомъ съ нею на колѣна и тоже сталъ молиться.

— ...«О недугующихъ, страждущихъ, путешествующихъ... и о спасеніи ихъ»...— только и раздавался у меня въ ушахъ шопотъ старушки, и картины одна другой ужаснѣе и страшнѣе рисовались у меня передъ глазами...

Только подъ утро Ивановна подняла меня съ полу и, блѣдная, изнеможенная, положила меня на печь. Я скоро заснулъ, но страшныя сны ни на минуту не покидали моего изголовья: мнѣ чудились то страшное, бушующее море и нашъ одинокій обозъ на оторванной льдинѣ, то мертвыя тѣла отца и Петруся, всплывшія на поверхность воды и прибитыя волнами къ береговымъ камнямъ.

А на морѣ попрежнему злилась метель и дикія волны одна за другою ударялись о берегъ и разбивали скопившіеся льды...

На слѣдующій день я проснулся очень поздно. Когда я высунулъ изъ-подъ тулупа голову и, недоумѣвая, обвелъ вокругъ себя глазами, среди сумерекъ, царившихъ въ нашей хижинѣ, благодаря занесеннымъ окнамъ, я неожиданно увидаль фигуру моего брата Петруся. Онъ сидѣлъ за сто-

ломъ и, положивъ голову на локти, спалъ. Около его головы прикурнула Рыбка и его длинные, бѣлокурые волосы, разсыпавшись по поверхности стола, покрывали собою и ея спину. Осторожно я окликнулъ его и, не получивъ отвѣга, окликнулъ тетку Ивановну. И отъ нея я не получилъ отвѣта. Тогда я слѣзъ съ печки, помолился на образа и съ радостнымъ сердцемъ вышелъ на дворъ, чтобы найти Ивановну и разспросить ее о чудесномъ возвращеніи Петруся. Утопая въ снѣгу и разыскивая нашу старушку, я на радостяхъ и не замѣтилъ, что вчерашняя мрачная погода уже успѣла смѣниться яркимъ солнечнымъ блескомъ, игравшимъ радугой въ снѣжныхъ крупинкахъ и ключьяхъ пушистаго инея, висѣвшаго на вѣтвяхъ. Я и не замѣтилъ, что страшный бушующій вѣтеръ уже отжилъ свое время во вчерашней непогодѣ и теперь настала тихая, ясная, но морозная пора. Снѣгъ хрустѣлъ у меня подъ ногами и не прилипалъ уже къ валенкамъ, какъ это было вчера; море, освободившееся отъ льда, уже не терялось въ туманной дали, а строгой линіей отдѣлялось отъ неба, лишь кое-гдѣ покрытаго легкими перистыми облачками, а не сѣрой, непроницаемой мглою. По снѣгу тамъ и сямъ, высоко подпрыгивая, какъ-то бочкомъ бѣгали галки и вороны, а воробы цѣлыми стаями перелетали съ мѣста на мѣсто и не прятались уже подъ крышей.

Проходя по краю обрыва и глядя

на тихое, еле колебавшееся море, кое-гдѣ покрытое льдинами, точно паруса бѣлѣвшими на его голубой поверхности, я увидѣлъ кучку нашихъ слобожанъ, стоявшую у самой воды и что-то разсматривавшую среди нагроможденнаго у берега льда. Тамъ были и мужчины, и женщины, и всѣ почему-то кричали и странно размахивали руками.

Тамъ же я увидалъ и нашего батюшку отца Иоанна. Онъ стоялъ въ своей енотовой шубѣ съ приподнятымъ воротникомъ и почему-то снялъ шапку.

Я хотѣлъ было сбѣжать внизъ и присоединиться къ толпѣ, но вспомнивъ о возвратившемся братѣ, побѣжалъ обратно.

Войдя въ хижину, я засталъ Петруся все въ томъ же положеніи. Онъ попрежнему спалъ сидя, и все также положивъ голову на локти.

— Петрусь... А, Петрусь! Вставай!—сталъ я будить его.

Петрусь медленно приподнялъ голову и оглядѣлся по сторонамъ. Онъ имѣлъ крайне усталый, измученный видъ, и странная, пока еще непонятная для меня, печаль свѣтилась въ его глазахъ. Онъ всталъ изъ-за стола, медленно прошелся изъ угла въ уголъ и сѣлъ.

— Батько не пріѣхалъ?—печально спросилъ онъ у меня, и углы рта его какъ-то странно покривились.

— Да развѣ-жъ онъ былъ не съ тобой? въ удивленіи спросилъ я у него.

— Нѣтъ, Пава, не со мной... Не будетъ мнѣ теперъ прощенія отъ Бога...

— За что? спросилъ я его и почувствовалъ страхъ.

— За то, что я оставилъ батьку въ морѣ одного...

Петрусь вскочилъ съ мѣста, схватился за голову и выбѣжалъ на дворъ.

Сначала я стоялъ въ недоумѣннн, не зная, что предпринять, а потомъ, сразу понявъ, въ чемъ дѣло, повалился на лавку и сталъ плакать такъ, какъ только можетъ плакать девятилѣтній ребенокъ, котораго постигло ужасное несчастье. Въ комнату вошла Ивановна и сѣла рядомъ со мной. Я лежалъ на лавкѣ, судорожно подергивая плечами и захлебываясь отъ слезъ, а она, обхвативъ мою голову своими старческими костлявыми руками, стала уговаривать меня.

— Полно, мой батюшка... Полно! — ласково твердила она около меня. — Богъ не оставитъ...

— Тетенька... родненькая, — всхлипывалъ я. — Зачѣмъ онъ говорить, что онъ батеньку оставилъ одного?..

Старушка ничего не отвѣтила и отвернулась. По ея движеніямъ я замѣтилъ, что она утирала слезы кончиками висѣвшаго у нея на плечахъ платка, и только не хотѣла подавать мнѣ въ этомъ вида.

— Голубушка... родненькая... — продолжалъ я всхлипывать. — Да развѣ-жъ батеньки у насъ теперъ больше нѣтъ? Гдѣ-жъ онъ? На кого мы теперъ останемся?..

Тетка Ивановна прижала меня къ себѣ и тихо, сквозь слезы, стала рассказывать мнѣ какъ сегодня утромъ, неожиданно для всѣхъ, изъ всей партіи нашихъ рыбаковъ, возвратился только одинъ Петрусь. И когда она рассказывала мнѣ это, въ горницу снова вошелъ Петрусь. Онъ постоялъ немного у двери, а затѣмъ подошелъ къ Ивановнѣ и молча положилъ передъ нею земный поклонъ.

Лицо Ивановны вдругъ сразу преобразилось. Ея старческіе глаза, давно уже походившіе на стеклянные, вдругъ метнули искры, старая рыбачка проснулась въ ней и, поднявшись съ лавки, она выпрямилась, насколько могла, и властно положила руку на голову склонившагося у ея ногъ Петруся.

— Гдѣ твой отецъ? спросила она его. Не поднимая головы, точно кающійся грѣшникъ, Петрусь закрылъ руками лицо. Онъ плакалъ.

— Отвѣчай! строго сказала тетка. — Говори мнѣ всю правду, чтобы я знала все!..

— Мы поѣхали въ море... началъ Петрусь. — Насъ было шесть подводъ. Впереди ѣхали Прокофій и Семень, а мы съ отцомъ сзади. Шестеро другихъ ѣхали на однихъ саняхъ всѣ вмѣстѣ и пили водку. — «Эй! крикнулъ я имъ. Рано начали пить, вѣдь еще рыбы-то не наловили!» Но они не послушали меня и стали пѣть пѣсни. Дорога была хорошая, снѣгу было мало и мы ѣхали прямо по голому льду. Проѣхавъ верстъ семь,

мы увидали полыню.—«Стой, ска-
заль я,—остановимся здѣсь. Здѣсь
хорошо будетъ ловиться!» Мы оста-
новились и стали раскладывать сѣти.
Въ это время я сталъ замѣчать, что
подуло съ востока и все небо вдругъ
какъ-то сразу посѣрѣло. Была съ
нами собака Шарикъ. Она повертѣ-
лась около насъ, поскулила, а по-
томъ бросила насъ и, опустивъ морду,
побѣжала обратно къ берегу.—
«Братцы», сказалъ я.—«Не вер-
нутся-ли намъ домой?»—«А что?»
спросилъ меня Прокофій.—«Быть не-
погодѣ», отвѣтилъ я.—«Развѣ вы не
чувете, что задуло прямо въ лицо и
небо вдругъ сразу потемнѣло?»—«А
ты что, пророкъ или столпникъ ка-
кой», крикнулъ на меня Семень,—
«что можешь знать то, что будетъ!»
А остальные шестеро распѣвали пѣсни
и выпивали и ничего не хотѣли слу-
шать. Раскинули мы сѣти и стали
заводить. А въ это время ужъ сталъ
валиться снѣгъ.—«Батя», обратился
я къ отцу,—«не слушай ихъ; быть
непогодѣ! Поѣдемъ домой!» Отецъ
посмотрѣлъ на небо и оглядѣлся по
сторонамъ.—«Ничего», сказалъ онъ,
—«это не на долго!» А я вижу, что
ужъ начало мести. Лошади фыр-
каютъ, топчутся на мѣстѣ, поводятъ
ушами... Чуютъ бѣду...—«Да по-
ѣдемте-же братцы!» вновь обратился
я къ рыбакамъ.—«Чего ужъ тутъ,
много не наловимъ! Вишь какая
мятель поднялась!» А они подняли
меня на смѣхъ и назвали меня тру-
сомъ.—«Ты, говорятъ, трусь, при-

выкъ съ кошкой на печкѣ грѣться!
Тебѣ-бы только лежать, да хлѣбъ
чужой ѣсть!» Я разсерчалъ.—«Не
слушай ихъ, батя», говорю я отцу,—
«поѣдемъ домой, пускай ихъ снѣ-
гомъ засыпаетъ!» А они стали и надъ
отцомъ смѣяться.

— «Нѣтъ», говоритъ отецъ,—
«коли ужъ поѣхали, такъ будемъ
ловить! Стыдно домой порожнемъ
возвращаться!»—«Ой, батя», го-
ворю я ему,—«поѣдемъ! Плохо бу-
детъ! Видишь, ужъ неба невидно!
Вѣтеръ сталъ гулять, онъ собьетъ
насъ съ дороги. Развѣ не чуешь, что
онъ сталъ дуть сразу со всѣхъ сто-
ронъ?»—«Трусь, баба!» закричали
на меня всѣ.—«Ему-бы только на
печкѣ лежать, да таракановъ ло-
вить!»—«Коли-жъ такъ», говорю я
имъ,—«то хорошо-же! Оставляйтесь
вы здѣсь, если хотите замерзать, а я
поѣду домой одинъ!» И, сѣвши въ
сани, я хлестнулъ по лошади и по-
ѣхалъ домой. Проѣхавъ такъ съ версту,
не больше, я сталъ терять свой слѣдъ.
Кругомъ поднялось такое, что и не
приведи Царица Небесная! Такъ и
дуетъ, такъ и рветъ! А тутъ еще
вечерѣтъ стало. Ъду я, а самъ все
думаю: не хорошо, что оставилъ отца
одного! Думалъ я такъ, думалъ, и
рѣшилъ повернуть опять къ полынѣ
чтобы взять отца съ собою. Повер-
нулъ я лошадь, поѣхалъ за отцомъ,
а вѣтеръ такъ и мечетъ, такъ и сби-
ваетъ лошадь съ ногъ. Доѣхалъ я до
того мѣста, гдѣ мы рыбу ловили, а на-
шихъ уже тамъ нѣтъ. Только одинъ

хворость изъ-подъ костра лежитъ.— «Ну, слава Богу», думаю,—«и они домой поѣхали! Теперь-бы только самому домой добраться и не замерзнуть!» Перекрестился я, и повернулъ Ваську опять къ берегу. Ёду я, ёду, а самъ все кричу. Все, думаю, наши отзовутся. А вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе. Прошелъ часъ, другой, а я все еще въ морѣ. Значить заблудился... Давно-бы пора и у берега быть, а я все блуждаю. Сталъ я Богу молиться и приготовился замерзать. Вдругъ слышу, вашъ колоколь звонитъ. Слава тебѣ, Господи! Дернулъ я за вожжи и поѣхалъ на звонъ. Лошадь еле плетется, устала, а вокругъ меня все «пыхъ!пыхъ!» ледъ лопаются. Просто бѣда! Вотъ, думаю, не успѣю добраться, ледъ взламываетъ и я утону! Когда-жъ вижу — огонекъ горитъ! Это, должно быть, вашъ костеръ былъ. Поѣхалъ я на огонекъ и опять сбился съ пути. Вертѣлся я, вертѣлся все на одномъ мѣстѣ, пока не стала моя лошадь совсѣмъ. Ни тпру, ни но! Что тутъ дѣлать? А вокругъ ночь и такое дѣлается, что не дай Богъ и злomu татарину! Слѣзъ я съ саней, подошелъ къ лошади и говорю ей:—«Прощай, братъ, Васька! Пойду я пѣшкомъ! Оставайся, братъ, ты одинъ!» А онъ на меня глядитъ такъ, точно понимаетъ. Распрягъ я его и пустилъ его на волю. Онъ пошелъ въ одну сторону, а я въ другую.—«Ну, думаю, кто-то изъ насъ обоихъ останется живъ?» И долго я еще шелъ пѣшкомъ. Ужъ вашего

колокола не стало слышно совсѣмъ и огня стало вовсе не видать.— «Погибаю!» думалось мнѣ. И только что я такъ подумалъ, какъ ноги мои обо что-то споткнулись. Я нагнулся и сталъ шарить руками. Когда-жъ гляжу, а это веревка! Сталъ я по ней идти,—гляжу—лодка замерзлая! Значить, я у берега. Слава тебѣ, Господи, думаю! Вышелъ я на берегъ и поднялся на верхъ. Хаты стоятъ и собаки воютъ. Сталъ я стучаться въ одну изъ нихъ, отворили мнѣ и дали погрѣться. Оказалось, что это хуторъ Ерески, девять верстъ отсюда... Вотъ вамъ, тетенька, и все!

И онъ поднялся съ колѣнъ и виновато опустилъ голову передъ теткой.

— Такъ ты говоришь, строго спросила она его,—что ты возвращался обратно за отцомъ къ польнѣ?

— Возвращался, тетенька,—отвѣтилъ Петрусь,—и кромѣ золы и хвороста не нашелъ у польни ничего!

— А зачѣмъ ты силою не повезъ отца назадъ?

— Какъ я могъ это сдѣлать? вздохнулъ Петрусь.—Вѣдь онъ мнѣ отецъ!

— Ты долженъ былъ его убѣдить! Петрусь опустилъ глаза.

— Простите, тетенька... сказалъ онъ.—Виноватъ передъ Богомъ и передъ людьми! Вѣдь я-же и самъ чуть не замерзъ!

Тетка долго смотрѣла на него, а потомъ перекрестилась и перекрестила его.

— Богъ проститъ!.. сказала она.— Иди съ миромъ!

И, опустившись на лавку, она снова застыла и стала такой-же, какъ и прежде.

Мнѣ не нужно дѣлать особенныхъ усилій, чтобы вспомнить все, что было потомъ. Я очень хорошо помню нашу приходскую церковь и посреди ея—три желтые гроба. Около одного изъ нихъ—мой братъ Петрусь. Нашъ добрый отецъ Иоаннъ, склонивъ голову на правый бокъ и еле-еле побрякивая кадиломъ, совершаетъ панихиду по усопшимъ, а дьячекъ Се-

ливанъ грустнымъ голосомъ поетъ вѣчную память.

— Батя, прости меня!..—изрѣдка раздается голосъ Петруся.—Прости, что я бросилъ тебя одного...

А за окошкомъ опять стонетъ вѣтеръ и опять крутитъ вихрями снѣгъ. Дикія волны опять со злобою ползутъ на берегъ и разбиваются объ угрюмые береговые утесы...

На этотъ разъ и погода оплакивала пострадавшихъ рыбаковъ...

М. Б—скій.

РЕБУСЪ № 6.

ШАРАДА № 10

ГОЛОВОЛОМКА.

Кто ставитъ изгородь привыкъ,
Вбиваетъ тотъ меня въ землю,
И гимназическій языкъ
Мной называетъ единицу.

Второй-же слогъ имѣютъ быкъ,
И дикій звѣрь, и китъ, и птица,
И щука, и слоновый клыкъ,
И нѣжный голубь, и лисица.
А вмѣстѣ все—не всякъ привыкъ
Безъ этой штуки обходиться.
Это не ругань и не крикъ,
А просто рѣзко говорится.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти ребусъ, шараду и головоломку, будутъ напечатаны).

Слово состоитъ изъ шести буквъ и находится въ каретномъ сараѣ или въ конюшнѣ.

Безъ одной буквы—это злая насѣкомья.

Безъ двухъ—то, чего нѣтъ въ пустыни.

Безъ трехъ—стихотвореніе.

Безъ четырехъ—согласіе.

Безъ пяти—восклицаніе.

Что это?